

И все-таки в «Тимее» как будто изложен весь златоискательский план той алхимии, которая спустя много веков еще только возникнет.

«Положим,— говорит Платон,— некто, отлив из золота всевозможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные; если указать на одну из фигур и спросить, что же это такое, то будет куда осмотрительнее и ближе к истине, если он ответит «золото» и не станет говорить о треугольнике и прочих рождающихся фигурах как о чем-то сущем,— ибо в то мгновение, когда их именуют, они уже готовы перейти во что-то иное,— и надо быть довольным, если хотя бы с некоторой долей уверенности можно допустить выражение «такое». Природа принимает любые отгиски... отпечатки по образцам вечносущего» (1, 50, в, с, с. 491). Утверждается бесформенная и пустая среда, в которой зарождаются вещи как отпечатки вечных идей. Отсюда неоплатонический символизм, оформление бесконечных возможностей свойств вещей, идеальная порождающая модель (комментарий А. Ф. Лосева; там же, с. 657).

Но алхимик усмотрел бы здесь и свое, алхимическое. Если отливки — из разных металлов, то золото — эссенция этих металлов, а формальные отличия — их акциденции, устранимые технохимическими процедурами. Идея трансмутации. Если же металл един — золото, то и оно существенно, ибо прибавки — лишь дело рук. Незыблема только идея «золотости» — квинтэссенция. Четыре элемента-стихии — за текстом и пребывают пока в метафорической необязательности.

«Среди всего того, чему только что было дано название плавких жидкостей,— говорит Платон,— есть и то, что родилось из самых тонких и самых однородных частиц, а потому плотнее всего; эта единственная в своем роде разновидность, причастная блеску и желтизне,— самое высокочтимое из сокровищ, золото, которое застыло, просочась сквозь камень. У золота есть и производное: по причине своей плотности оно твердо и отливает чернотой, а наречено оно адамантом. По свойствам своих частиц к золоту ближе всего [род], который, однако, имеет не одну разновидность, и притом он в некотором отношении плотнее золота; вдобавок он еще и тверже, ибо в нем есть небольшая примесь тонкой земли, но легче по причине больших промежутков в его недрах: это — один из составных родов блестящих и твердых вод, а именно медь. Когда содержащаяся в меди примесь земли под действием дряхления снова отделяется и выступает на свет, она именуется ржавчиной» (3(1), 59, в, с, с. 502). Это поразительно «алхимическое» место у Платона дает уже сравнительную «химико-аналитическую» и «физико-химическую» характеристику трех вещей: золота, алмаза и рудничной меди. Свойство вещи поставлено в зависимость от... свойства: чернота, твердость и прочее. Начала-стихии и здесь прямо не учтены, хотя учтены косвенно — через плавкость. «Алхимизм» в другом: золото в этом ряду выступает эталоном. Медь — лишь ухудшение этого эталона. Тут-то и могли бы пригодиться умные руки алхимика, способного улучшить медь, вылечить ее, обратив в золото. Но это лишь возможный подтекст.